

ВВЕДЕНИЕ: ОКОЛОСОЛНЕЧНЫЕ ЗАБАВЫ

Я написал эту книгу — и эти рассказы — одиннадцать лет назад. Рукопись «Схизматрицы» я закончил перед тем, как мне исполнилось тридцать. А потом уволился с работы.

Закончив серию о шейперах и механистах, я понял, что наконец ухватил жанр всеми десятью жаркими и липкими пальчиками. Я научился с помощью научной фантастики обращаться к своим волнениям, выражать свои идеи и говорить собственным голосом. Это невероятно возбуждающее чувство. Так и не смог его забыть. И обычной работы у меня с тех пор не было.

Это первая книга, которую я написал на текстовом процессоре. Над первыми двумя романами я работал на пишущих машинках. Это лучшее, что я мог тогда написать, и в них хватало бунтарского буйства, но они не стоят в одном ряду со «Схизматрицей».

Это было откровение — когда я впервые увидел, как мой текст становится электрическим паром на экране

компьютера. Я осознал, что вошел в новое поколение научной фантастики — поколение с серьезными, реальными, «техническими» преимуществами над всеми предшественниками. Так я почти в одночасье вышел из тени Верна, Уэллса или Стэплдона. Титаны воображения, они все до единого были прикованы к аналоговым технологиям чернил и древесной массы. А я теперь мог делать со словами все что угодно: гнуть, ломать, сталкивать, разбирать. Я как будто долго и терпеливо учился играть на блюзовой гитаре и вдруг получил огненно-красный «Фендер Стратокастер».

Начиная работать над текстами о шейперах и механистах, я научился поменьше читать научную фантастику. Тогда я уже и так был переполнен ею. Вместо этого я начал усваивать материал, который любят читать сами профессионалы от научной фантастики. Три книги в особенности оказали огромное влияние на мое мышление и на создание мира «Схизматрицы».

Первая — «Мир, плоть и дьявол» (The World, the Flesh & the Devil, 1929) Джона Десмонда Бернала. Книга написана в 1920-х и стала бы общепризнанным шедевром размышлений о космосе, если бы не один неудобный факт: Бернал был закоренелым коммунистом. Его труд не смогли переварить в двадцатом веке только потому, что сам автор оказался политически неприемлемым. От коммунизма мне было мало толку, зато Бернал принес очень много пользы.

Вторая книга — «Потревожить вселенную» (Disturbing The Universe, 1979) Фримена Дайсона. Фримен Дайсон считался бы выдающейся фигурой в жанре, если бы стал автором научной фантастики, а не просто каким-то всемирно известным физиком из Принстона. Пару лет назад

мне повезло с ним пообедать. Я поблагодарил Дайсона за то, что когда-то угнал его тексты, спилил с них серийные номера и использовал в своем творчестве. Профессор Дайсон не читал «Схизматрицу», но с поразительным добродушием отнесся к тому, что я дерзко подрезал тридцать-сорок его идей. Истинный джентльмен и ученый!

Третьей книгой был «Порядок из хаоса» (1986) Ильи Пригожина. Она может похвастаться самым поразительным и красивым научным жаргоном, что я видел в печати. Непроницаемое и потустороннее величие этого текста может потягаться с Писанием. Вот она, практически та самая «концентрированная проза», «пинки по глазам», за которые так любят нас, киберпанков, — конечно, с тем исключением, что работа Пригожина действительно научная и имеет явное отношение к общепринятой реальности. Основой мистицизма шейперов и механистов, естественно, стала его терминология. В конце концов мой фанат, оказавшийся одним из студентов профессора Пригожина, дал ему «Хрустальный экспресс» — сборник рассказов о шейперах и механистах. Профессор пронизательно отметил, что рассказы не имеют ничего общего с его прорывами в области физической химии, удостоенными Нобелевской премии. Что есть, то есть, но привлекала меня вербальная структура. И она-то работает вне зависимости от химии или физики.

Перед романом я написал несколько рассказов. Они были для меня методом исследования, с их помощью я методически проникал в назревающий мир книги. Сперва появился «Рой», всего с двумя персонажами, которые очутились в световых годах от самого центра действия. Дальше я написал «Паучью Розу», где все происходит на окраинах Солнечной системы и на самых задворках обще-

ства Схизматрицы. Потом был рассказ «Царица цикад», который, грохоча, с головой нырял в главный город шейперов и механистов и исследовал их общество — бурлящее, как свихнувшийся на технологиях муравейник. Действие «Глубинных садов» происходит в поздней истории созданного мной будущего — это обрамляющая вещь. Экспериментальные «Двадцать страничек прошлого» — мое последнее слово на эту тему. Холостой прогон перед грядущим романом, и в этом тексте я постарался довести технику «концентрированной прозы» до предела.

Это мои первые опубликованные рассказы. Был еще один, «Рукотворное “я”», написанный в подростковые годы; но, увы, при печати перепутали страницы рукописи, и текст стал совершенно непонятным. Пришлось от него отречься. Так моим официальным дебютом стал «Рой». Его же я первым продал в журнал («Журнал фэнтези и научной фантастики», апрель 1982 года). «Рой» до сих пор публикуется чаще других моих рассказов. Я все еще им доволен: теперь я могу писать лучше, но с ним впервые прогрыз изоляцию и впился зубами в гудящий медный провод.

«Схизматрица» была моим третьим романом, но первым, который тут же ушел на второй тираж — в Японии. С тех пор я весьма высоко ценю японскую НФ. Недавно «Схизматрица» стала моим первым романом, который вышел в Финляндии. Возможно, в хорошем переводе есть то, чего не видно в оригинале. Трудно представить, чтобы такая странная и своеобразная книга пережила перевод на неиндоевропейский язык; но, похоже, наоборот, именно эта странность и пробивается через вербальные и культурные барьеры. «Схизматрица» — ползучий мор-

ской огурец от литературы, шипастый и причудливый. Не самый элегантный, без зеркальной симметрии, зато его кусочки, когда попадают под кожу, отламываются и остаются в людях на многие годы.

Эти рассказы — и этот роман — самые «киберпанковские» вещи, что я когда-либо напишу. Я создал их в яростном припадке вдохновения в те золотые дни, когда мы с моими потрепанными сообщниками по движению впервые увидели путь к литературному свету. Думаю, я бы мог написать еще одну такую же диковинную книгу — и, возможно, такую же странную; но людей больше не удивляет тот факт, что я могу удивлять. Моя аудитория больше не сочтет странным, что я могу быть странным. А когда я писал «Схизматрицу», то каждый день удивлял сам себя.

В те былые времена киберпанк еще не вошел в моду или историю жанра; у него вообще не было имени. Его еще не начали переваривать люди за пределами нашего маленького литературного кружка. Но для меня он стал очень реальным — не менее реальным всего остального в жизни, — и, когда я влез по колено в «Схизматрицу», прорубался сквозь околосолнечные конфликты сверхдержав, описывал мрачные микросоциальности космопиратов-террористов, все это казалось мне святым огнем.

Теперь все тексты о шейперах и механистах наконец-то собраны здесь, под одной обложкой. Наконец я могу официально заявить скептической публике, что английское название «Schismatrix» происходит от слова «схизматик». И никакого звука «ш» там нет. Надеюсь, в будущем это вам поможет.

Меня вечно спрашивают, будут ли новые книги о шейперах и механистах (некоторые даже требуют их). Будут ли продолжения. Или трилогия. Не появится ли общая вселенная Схизматрицы, где Брюс Стерлинг станет лишь «автором идеи». Но я этим не занимаюсь. И никогда не стану. Это все, что есть и будет.

*Брюс Стерлинг — bruces@well.com
Остин, Техас
29.11.95*

СХИЗМАТРИЦА

ПРОЛОГ

Яркие самолетики миновали продольную ось мира. Линдсей, любуясь, следил за ними, утопая по колено в траве.

Хрупкие, словно воздушные змеи, pedalные самолетики то ныряли, то взмывали высоко вверх в зоне невесомости. За ними, на другом конце мира, искривленный ландшафт сверкал желтизной пшеничных и пятнистой зеленью хлопковых полей.

Линдсей прикрыл ладонью глаза — сквозь стеклянные панели в мир хлестали потоки яркого солнечного света. Самолет с крыльями из синей материи, разрисованными под птичьи, пересек один из таких световых столбов и теперь парил, постепенно снижаясь. Линдсей различил выющиеся по ветру русые волосы девушки-авиатора, крутившей педали, чтобы набрать высоту, и понял, что она тоже его заметила. Захотелось крикнуть, помахать ей рукой, но при свидетелях этого ни в коем случае делать было нельзя.

Тюремщики уже были рядом — собственные его супруга и дядюшка. Пожилые аристократы с натугой переставляли ноги. Дядюшкино лицо побагровело так, что старику пришлось даже усилить сердечный ритм.

— Ты... бежал! — выдохнул, наконец старик. — Ты бежал!

— Я просто решил размяться, — вызывающе вежливо отвечал Линдсей. — Мышцы здорово застоялись под домашним арестом.

Прикрыв глаза сложенной козырьком ладонью, испещренной старческими веснушками, дядюшка проследил направление его взгляда. Пестрый аппаратик парил над Хлябями — пораженным гниением участком сельскохозяйственной панели.

— Хляби разглядываешь? Где работает твой дружок Константин? Говорят, он как-то связывается с тобой оттуда.

— Он специализируется по насекомым, а не по криптографии.

Линдсей лгал. Тайные сообщения Константина были единственным его источником новостей.

После раскрытия заговора Линдсея заточили под домашний арест в стенах фамильной усадьбы, а Филипу Константину как инженеру по экологии не нашлось подходящей замены, и его решили оставить на рабочем месте.

Нервы домашнего арестанта, пока он томился в усадьбе, здорово сдали. Линдсей чувствовал себя человеком лишь там, где мог найти применение своим навыкам дипломата. Он сильно похудел; над резко выделившимися скулами мрачно блестели глаза. Темные, по моде завитые волосы растрепались от бега. Высокий рост, благородный лоб, волевой подбородок, само его безупречное

сложение были характерными семейными признаками Линдсеев.

Супруга его, Александрина Линдсей, взяла мужа под руку. Одета она была в модную плиссированную юбку и белоснежную медицинскую куртку. Здоровый вид ее не выказывал, однако же, настоящей жизненной силы — лицо, словно из вощенной бумаги, уложенные с помощью лака завитки на висках.

— Джеймс, — обратилась она к старику, — вы же обещали! Зачем опять — о политике? Абеляр, ты такой бледный. Чем-то расстроен?

— Я? Расстроен? — Навыки дипломатии, усвоенные у шейперов, заработали: кожа порозовела, зрачки слегка расширились, губы сложились в открытую белозубую улыбку.

Дядюшка, недовольно насупившись, отступил.

Александрина оперлась на руку мужа.

— Не делай так больше. Ты меня пугаешь.

Она была старше Линдсея на пятьдесят лет и недавно прошла операцию, заменив коленные чашечки на тefлоновые механические протезы, но колени явно беспокоили ее до сих пор.

Линдсей переложил книгу из руки в руку. Под домашним арестом он коротал время, переводя на современный солярно-орбитальный английский пьесы Шекспира. Родственники одобряли — чем бы дитя ни тешилось, только бы не политикой.

Даже позволили лично передать рукопись в Музей. И такая поблажка на несколько часов вывела его из заточения в четырех стенах.

Музей был рассадником оппозиции. Там были друзья, прервационисты, как называли они свою небольшую